

© 1994 г. БОНДАРКО А.В.

К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ В ГРАММАТИКЕ

(На материале русского языка)

1. ИСХОДНЫЕ ПРИНЦИПЫ

1.1. Проблема интенциональности привлекает к себе внимание широкого круга лингвистов, изучающих речевую деятельность. В последнее время эта проблема выдвигается на передний план при обсуждении изменений лингвофилософских парадигм в когнитивных науках [1–3].

Понятия интенции и интенциональности играют центральную роль в теории речевых актов [4–6]. Коммуникативно-целевая семантика, о которой идет речь в данной теории, – это намерения (установки) говорящего, относящиеся к сфере "иллокутивных актов". Ср. такие коммуникативные цели высказываний, как вопрос, ответ, приказ, просьба, совет, запрет, разрешение, сожаление, приветствие, поздравление, информация о фактах, обещание, обязательство, предупреждение, критика, оценка и т.п. [7].

В этой статье мы сосредоточим внимание на семантических функциях грамматических категорий русского глагола, основываясь на исследовании функционирования глагольных форм в высказывании (наиболее подробно рассматривается употребление форм вида).

1.2. Говоря об интенциональности по отношению к грамматическим категориям слова, мы имеем в виду связь семантических функций грамматических форм с намерениями говорящего, с коммуникативными целями речемыслительной деятельности, способность содержания, выражаемого данной формой (во взаимодействии с ее окружением, т.е. средой), быть одним из актуальных элементов речевого смысла.

Примером проявления интенциональности может служить смысловая актуализация временной семантики в высказываниях, включающих соотношения форм времени: *Остался по доброй воле, т.е. долгу, – как я всю жизнь, как Вы всю жизнь – оставались, останемся, оставаться – будем* (М. Цветаева, Письма к Анне Тесковой). Показательны возможные уточнения, связанные с заменой одной формы времени другою: *С особенной силой чувствую сейчас или, скорее, чувствовала сейчас на гулянье эту великую радость – любви ко всем* (Л. Толстой, Дневники). Ср. интенциональность видового противопоставления при выражении ситуаций типа "попытка–результат": *Догоняли, да не догнали; Объяснял, да не объяснил; Вспоминали, забывали, наконец вспомнили*.

Вопрос об "осознании смысла" применительно к содержанию языковых единиц первоначально был поставлен по отношению к лексической семантике. С.Д. Кацнельсон писал: "Только употребление полнозначных слов связано с осознанием их смысла. Говорящие, как правило, отдают себе отчет в содержании таких слов и могут по желанию эксплицировать их содержание с помощью парафразы или толкования, синонимической замены или "наглядного определения" (указания на подразумеваемый словом предмет). Владение грамматическими формами характеризуется иной когнитивной модальностью. Хотя выражение мысли и ее понимание совершается при посредстве грамматических форм, в фокусе внимания участников речевого общения

находится лишь вещественное содержание речи. Функции грамматических форм осознаются лишь вместе с полноточными словами и при их посредстве. Толкование грамматических форм в отдельности представляет для говорящих значительные трудности. Оно становится возможным лишь тогда, когда грамматический строй становится объектом научного познания" [8]. Значительную ценность представляет сама постановка вопроса об осознании содержательных функций языковых единиц участниками речевого акта, о возможных проявлениях такой осознаваемости, о различиях в данном отношении между лексическими и грамматическими содержательными функциями. На наш взгляд, проблема смысловой информативности (релевантности), связанная с возможной осознаваемостью смысла, его включением в фокус внимания участников коммуникации, актуальна и по отношению к грамматической семантике, к функциям грамматических форм.

Понятие интенциональности находит отражение в правилах следующего типа: «Если говорящий хочет предостеречь от выполнения неагентивного неконтролируемого, "ошибочного" действия, которое, как он полагает, может осуществиться после произнесения предскрипции, он должен употребить императивную форму СВ» [9] (имеются в виду случаи типа *Не провалиться!* и т.п.).

Интенциональности противостоит не интенциональность. Это свойство характеризует функции, которые не участвуют в реализации намерений говорящего и не являются актуальными элементами смысла высказывания (хотя и включаются в механизм его порождения в силу обigatorности внутриязыковых правил). Примером неинтенциональной функции может служить выражение отнесенности действия к лицу мужского или женского пола в случаях типа *Об этом я писал (писала) в ранее вышедших работах*. Употребление форм муж. или жен. рода, указывающих на пол лица-субъекта, обусловлено в таких случаях не намерением говорящего выразить это отношение, а грамматической обigatorностью (ср. высказывания с формами настоящего времени типа *Об этом я пишу...*, где отношение к полу не выражено).

Анализируя высказывания типа *Об этом я писал (писала)...*, мы не можем использовать формулировки типа "Если говорящий хочет выразить отношение лица-субъекта к муж. или жен. полу, он употребляет глагольную форму прош. времени ед. числа муж. или жен. рода". Возможны иные формулировки, например: "Если говорящий хочет выразить отношение действия, осуществляемого субъектом-лицом к прошлому, он употребляет форму прош. времени и при этом (если употреблена форма ед. числа) показателями муж. или жен. рода обigatorно выражается отношение действия к лицу мужского или женского пола". Иными словами, говорящий употребляет глагольные формы с показателями рода не потому, что он хочет передать смысл "субъект действия – лицо мужского (женского) пола", а потому, что он не может не выразить отношение к полу, связанное с обigatorностью категории рода в данном классе форм.

1.3. Предлагаемая интерпретация функций грамматических форм в их отношении к признаку интенциональности не относится к теории речевых актов. Мы не оперируем понятиями локутивного, иллюкутивного и перлокутивного акта. Проводимый нами анализ включает своего рода проекцию на коммуникативные цели высказывания (например, при описании видовых функций учитывается направленность высказывания на изображение процессов или на самую общую информацию о факте), однако во всем основном этот анализ остается в сфере "традиционного" системно-функционального исследования грамматической семантики. Новым по отношению к тому направлению исследования, которое было представлено в предшествующих работах автора, является особый акцент на вопросах "для чего говорящий употребляет данную форму?", "что он хочет выразить?".

Итак, принимая во внимание теорию речевых актов и учитывая результаты ее разработки, мы трактуем понятие интенциональности в особом аспекте. Предметом проводимого нами анализа являются не сами по себе коммуникативные цели высказывания, а семантические функции грамматических форм в их отношении к

смысловому содержанию высказывания, к тому, что имеет в виду и хочет выразить говорящий (ср. в концептуальной системе Э. Кошмидера понятие "I – intantum, das Gemeinte, мыслимое, содержащееся в мысли", соотносящееся с понятием "D – designatum, Bezeichnetes, обозначаемое" [10]). Это "имеющееся в виду" может включать коммуникативные цели, которые анализируются в рамках теории речевых актов, например (при рассмотрении функций форм повелительного наклонения), приказ, совет, предостережение и т.п., однако рассматриваемые нами актуальные смысловые элементы выходят далеко за пределы подобных коммуникативных целей. Нас интересует, что хочет выразить говорящий с точки зрения отношения обозначаемых ситуаций к смыслам, охватываемым такими категориями, как время (и шире – темпоральность), вид и другие средства выражения характера протекания действия во времени (аспектуальность), временные отношения одновременности/последовательности (таксис), временная локализованность/нелокализованность, реальность/ирреальность (возможность, необходимость и т.п.), лицо, субъект, объект, качество, количество, пространство, бытийность, посессивность, обусловленность (условие, причина, цель, уступительность). Исследуются (с особой точки зрения – по отношению к признаку интенциональности) функциональные потенции конкретных грамматических форм (форм вида, времени, наклонения, лица, залога, числа, падежа и т.п.) и реализации этих потенций в высказывании.

1.4. Понятие интенциональности в предлагаемой интерпретации включает два аспекта: 1) аспект смысловой информативности (актуальности) – имеется в виду способность данной функции быть элементом выражаемого смысла; 2) аспект связи с намерениями говорящего в акте речи, с коммуникативной целью, с целенаправленной деятельностью говорящего, т.е. с тем, что он хочет выразить в данных условиях коммуникации, – аспект "собственно интенциональный".

Указанные аспекты понятия интенциональности тесно связаны друг с другом: смысловая информативность данного грамматического значения является необходимым условием его использования в речи (при взаимодействии системного значения грамматической формы с элементами внутриязыковой и внеязыковой среды) для реализации намерений говорящего.

В рамках рассматриваемой проблематики существенны следующие вопросы: 1) характеризуются ли анализируемые грамматические значения (значения грамматических единиц, классов и категорий) смысловой информативностью (смысловой релевантностью)?; 2) связано ли данное значение со "смыслом говорящего", с тем, что он "имеет в виду", "хочет выразить"? Речь идет об отношении грамматического значения к интенции говорящего, намерению, речевому замыслу.

Эти вопросы (соотнесенные с двумя указанными выше аспектами понятия интенциональности) тесно связаны друг с другом. Вопросы первого типа отражают прежде всего отношение грамматического значения к "объективным" (общинформативным) аспектам смыслового содержания, выражаемого языковыми средствами, тогда как вопросы второго типа касаются "субъективного смысла" (формирующегося в речи говорящего и воспринимаемого слушающим, осознаваемого в динамике мыслительно-речевой деятельности участников речевого акта).

2. РЕАЛИЗАЦИЯ СВОЙСТВА ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ

2.1. Интенциональность, характеризующая функции грамматических форм, может проявляться в разной степени. В одних случаях данный признак выражен явно, эксплицитно, тогда как в других он выступает менее четко (между наличием и отсутствием интенциональности нет резких граней).

Интенциональность семантических функций форм времени четко проявляется при их "нефиксированном" употреблении в ситуативно актуализированной речи, создающей условия для явно выраженной противопоставленности временных планов с точки зрения момента речи (см. приведенные выше примеры). При фиксированном

употреблении форм времени в ситуативно неактуализированной речи интенциональность временных функций может быть выражена не столь явно. Так, для научных работ, в которых речь идет о постоянных явлениях и отношениях (например: *Функции грамматических форм зависят...*), характерен общий "темпоральный ключ" текста (план "настоящего постоянного"), который так или иначе отражается в содержании отдельных высказываний, но не подчеркивается, не акцентируется в каждом из них. Актуальное отношение к моменту речи отсутствует, "чередования времен" для таких текстов не характерны, хотя и возможны (если сама тема предполагает соотношение разных временных планов). Сходные проявления "слабой интенциональности" характерны для нарративных текстов, особенно для художественного повествования, не связанного с подчеркнутой отнесенностью событий к тому или иному историческому периоду, с противопоставлением прошлого и настоящего. Аналогичное различие в степени интенциональности выявляется и при нефиксированном (ситуативно актуализированном) употреблении глагольных и местоименных форм лица в "плане речи" (по Э. Бенвенисту) и при их фиксированном (ситуативно неактуализированном) употреблении в "плане истории".

Разумеется, семантические функции форм времени и лица во всех случаях связаны с тем или иным отношением содержания высказывания к действительности с точки зрения говорящего (ср. понятие предикативности в истолковании В.В. Виноградова). Однако в ситуативно актуализированной и ситуативно неактуализированной речи выступают разные типы интенциональности с точки зрения степени интенциональности рассматриваемых функций в данном высказывании или его фрагменте.

Возможны случаи, когда один компонент данной грамматической категории существенно отличается от другого по степени интенциональности. Так, семантика повелительного и сослагательного наклонений, непосредственно связанная с коммуникативными целями высказывания и намерениями говорящего, характеризуется "сильной" интенциональностью, тогда как изъявительное наклонение выступает в данном отношении как немаркированная форма. В принципе и формы изъявительного наклонения могут выступать в употреблении, отличающемся четко выраженной интенциональностью, особенно в тех случаях, когда контраст наклонений в высказывании подчеркивает положительный семантический признак реальности: (например: *Нас волнует не то, что бы л о б ы, а то, что бы л о*), однако в целом для форм индикатива это не характерно. Сама по себе регулярность их функционирования в роли основного способа представления модальности обуславливает относительную нейтральность с точки зрения проявлений интенциональности.

Особые условия смысловой актуализации грамматической семантики представлены при переносном употреблении грамматических форм (при транспозиции). Ср. образную актуализацию прошлого при употреблении форм наст. времени в функции настоящего исторического (*Иду я вчера...*), образное представление "участия говорящего" при употреблении глагольных и местоименных форм 1 л. мн. числа в ситуации обращения к адресату: – *Как мы себя чувствуем?*; – *Сидим и радуемся?* и т.п.

Конечно, транспозиция (в частности, темпоральная) нередко бывает "автоматическим" употреблением привычных оборотов речи, однако показательна сама возможность такого языкового представления некоторого смысла, при котором грамматическое значение формы актуализируется в функции, имеющей метафорический характер. Подобные метафоры могут быть живыми образами, осознаваемыми участниками речевого акта; ср. оборот "как сейчас вижу" и его трансформацию в необычное "как тогда вижу": *Не "как сейчас вижу" – так сейчас уже не вижу! – как т о г д а вижу ее коротковолосую, чуть волнистую, никогда не склоненную, даже в письме и в игре отброшенную голову...* (М. Цветаева, *Мать и музыка*).

Способность к актуализированной реализации свойственна не только семантическим функциям языковых единиц, представляющих грамматические категории в собственном смысле (опирающиеся на специальные системы противопоставленных друг другу рядов форм), но и тем функциям, которые относятся, по крайней мере отчасти,

к сфере "скрытой грамматики". В русском языке таковы, в частности, функции локализованности/нелокализованности действия (и ситуации в целом) во времени. Ср.: *Скоро про ст и л а, значит, думала что-нибудь недоброе. Молодые жены про щ а ю т нескоро* (А. Чехов, Следователь).

2.2. Одним из факторов, определяющих реализацию свойства интенциональности в высказывании, является межкатегориальное взаимодействие. Интенциональные функции – это не изолированные назначения отдельных грамматических категорий, а семантические комплексы, включающие элементы разных категорий. В этих комплексах (например, с элементами аспектуальности, таксиса, временной локализованности, темпоральности и модальности) в зависимости от конкретных условий речевого употребления (коммуникативной цели высказывания, его синтаксической структуры, лексики, контекста, речевой ситуации) на передний план с точки зрения "степени интенциональности" может выступать то один, то другой компонент. Поэтому актуальная цель употребления формы, представляющей определенную грамматическую категорию, может быть связана не с ее значением непосредственно (хотя оно и участвует в реализации этой цели), а с "соседними" категориями (не обязательно грамматическими: это могут быть семантические категории, выражаемые разноуровневыми средствами). Так, формы сов. и несов. вида (СВ и НСВ) могут употребляться не "ради вида" (видовых значений самих по себе), а прежде всего "ради таксиса", "ради временной локализованности/нелокализованности", ради времени. Речь идет о семантике, связанной с видом, но не являющейся непосредственно значением данной видовой формы. Приведем пример, иллюстрирующий воздействие семантики времени и временной локализованности/нелокализованности на употребление видов: – *Знаешь: он скоропостижно умер. – Ежедневно скоропостижно умирают сотни, тысячи людей* (Ю. Нагибин, Дорожное происшествие). Употребление форм СВ и НСВ здесь обусловлено соотношением значений конкретного (локализованного во времени) факта в прошлом и узуального действия, отнесенного к широкому плану настоящего неактуального. Ср. замечание Ф. Лемана о том, что в случаях типа *Петров придет* мотивацией к употреблению СВ является не целостность действия, а скорее "будущее" и "однократность" [11].

2.3. Наиболее интенциональны те категории, которые отражают актуальное в данном акте речи отношение обозначаемой ситуации к действительности. Речь идет прежде всего о категориях модальности, темпоральности, временной локализованности и персональности, охватываемых понятием предикативности, но не только о них. Интенциональными могут быть все те элементы грамматической семантики, которые отражают (могут отражать) "актуальное для говорящего" в передаваемом смысловом содержании. Такова семантика таксиса, залоговости, субъектности, объектности, качества, количества, пространства, бытийности, посессивности, обусловленности (условия, причины, цели, уступительности). Каждая из этих категорий в ее речевой реализации может быть актуальным и акцентируемым элементом того смысла, который хочет передать говорящий.

Следует подчеркнуть, что речь идет именно о способности к интенциональной реализации того или иного категориального значения, а не о постоянном проявлении признака интенциональности. Ср., например, широко распространенное употребление активных конструкций без явной актуализации активности. Примерами актуализации противопоставления признаков активности/пассивности могут служить высказывания типа *Хочу любить и быть любимым*. Потенциальная интенциональность категории залога проявляется также в тех случаях, когда пишущий сознательно отодвигает на задний план свое "я", предпочитая исходно-субъектной ориентации высказывания исходно-объектную (например, употребляя в тексте подготавливаемой статьи вариант *Эти явления рассматриваются нами...* вместо первоначально избранного варианта *Мы рассматриваем эти явления...*). Подобные примеры реализации "интенциональных потенциалов" категории залога выступают на фоне широко распрост-

раненной неинтенциональности или "слабой интенциональности" (это относится прежде всего к активу как немаркированному члену залоговой оппозиции).

Существует целый ряд категорий грамматики, которые способны реализоваться в речи как актуальные элементы выражаемого и воспринимаемого смысла. Если использовать по отношению к грамматической семантике, выступающей на уровне высказывания, термин "категориальная ситуация" (с дифференциацией по категориям), то речь идет о ситуациях аспектуально-таксисных ("длительность – наступление факта", "цепь сменяющих друг друга фактов" и т.п.), качественных (*Последнюю рубашку отдаст*), количественных (*Не сосед, а соседи виноваты*), локативных (*Ходит по комнате из угла в угол*), посессивных (*У него нет денег*), кондициональных, каузальных и т.п.

Неинтенциональность, как уже было отмечено выше, во многих случаях связана с грамматической облигаторностью. Отсутствием или слабой степенью интенциональности характеризуются те семантические элементы, которые передаются не потому, что этого хочет говорящий, а потому, что в силу облигаторности определенной категории или определенного грамматического правила он не может не употребить данную форму, не может не выразить заключенное в ней значение. Таковы, в частности, многие типы употребления форм вида и залога (ср. также сказанное выше о выражении отношения к полу).

Неинтенциональность или слабая интенциональность может проявляться в тех условиях, когда категория, в принципе способная к интенциональной реализации, в данном высказывании оказывается за пределами "интенциональной доминанты", т.е. уступает эту роль другой категории, а сама выполняет функцию "фона" (ср. "фонную роль", которую во многих случаях выполняют формы изъявительного наклонения).

2.4. Особые функции смысловой актуализации грамматических значений выступают в художественных текстах. В поэтических произведениях контрасты значений противопоставленных друг другу компонентов определенной грамматической категории могут приобретать особую функцию связи с поэтическими смыслами и образами. Р.О. Якобсон писал: 'В стихах Пушкина поразительная актуализация грамматических противопоставлений, особенно в области глагольных и местоименных форм, сочетается с тонким вниманием к выражаемому смыслу. Нередко отношения контраста, близости и смежности между грамматическими временами и числами, глагольными видами и залогами играют непосредственно главенствующую роль в композиции того или иного стихотворения; подчеркнутые фактом вхождения в конкретную грамматическую категорию, эти отношения приобретают эффект поэтических образов, и мастерское варьирование поэтических фигур становится средством повышенной драматизации поэтического повествования' [12, с. 215]. По мысли Р.О. Якобсона, "драматический потенциал" русских морфологических категорий с особой интенсивностью выявляется в "Медном Всаднике" А.С. Пушкина: "Ограничение, имплицитное русским совершенным видом, не может быть отнесено к действиям Петра, будь то в идости живого императора или медной статуи. Ни одно изображающее его повествовательное предложение не использует личных форм сов. вида: *стоял, глядел, думал, стоит, сидел, возвышался, скакал*. История же мятежа Евгения, напротив, рассказана целиком в суматохе задыхающихся перфективов: *проснулся, вскочил, вспомнил, встал, пошел, остановился, стал, вздрогнул...*" [12, с. 33]. И в другой статье: "В "Медном Всаднике" идею чистой длительности передает несовершенный вид глаголов... Выражаемая ими незавершенность действия резко контрастирует с завершенным, ограниченным характером окружающих событий; здесь проявляется один из наиболее выразительных, наиболее ярких и драматичных приемов у Пушкина: использование глагольных морфологических категорий – видов, времен, лиц – как средств актуализации действия" [12, с. 169].

Различные аспекты актуализации грамматических значений в содержании поэтического текста раскрываются в современных исследованиях. Ср. приводимые Л.В. Зу-

бóвой [13–14] примеры актуализации временных и залоговых значений в поэзии М. Цветаевой, в частности, противопоставление настоящего и будущего времени, сопряженное с противопоставлением "я" и "ты", при употреблении архаической формы "есмь": *Я – есмь. Ты – будешь. Через десять весен / Ты скажешь: – есмь! – а я скажу: – когда-то...* (М. Цветаева, Я – есмь. Ты – будешь. Между нами – бездна... [13]; ср. также противопоставление активности/пассивности: *Вепревержец, пей и славь / С нами мчащуюся – мчимую / Юность невозвратимую!* (М. Цветаева, Федра) [14].

3. ФРАГМЕНТ АНАЛИЗА АСПЕКТУАЛЬНОГО ПРИЗНАКА "ВОЗНИКНОВЕНИЕ НОВОЙ СИТУАЦИИ"

3.1. Рассматриваемая в этой статье интерпретация проблемы интенциональности в сфере семантики грамматических форм сложилась на основе исследования функций глагольного вида. Ниже приводится (в сокращенном варианте) фрагмент анализа одной из видовых функций, характеризующихся возможной (хотя и не постоянной) интенциональностью.

Категориальное значение СВ, конституируемое признаками ограниченности действия пределом (ОГР) и целостности (Ц), лежит в основе функции, заключающейся в выражении наступления нового состояния, новой ситуации, например: *Ей стало жутко, но она все-таки решила, что тотчас же встанет и поедет к ранней обедне* (А. Чехов, Бабы царство). Далее мы используем выражение "возникновение новой ситуации" – ВНС (в аспектологии известны различные способы обозначения данной функции: "изменение ситуации", "смена ситуаций", "переход в новое состояние", "начало"; ср. суждения Ю.С. Маслова о предложениях типа *Я вышел из дому*: "... действие взято в его целостности, представляющей скачок в новое состояние – от бытия в доме к бытию вне дома..." [15, с. 48], ср. также формулировки: "факт скачкообразного перехода субъекта или объекта действия в новое качественное состояние" (о глаголах СВ типа *убить*), "критическая точка, знаменующая переход к новому состоянию, граница, отделяющая новое состояние от старого" [15, с. 60–61]; см. также [16–17; 18; 19; 20, с. 5–6].

Для НСВ характерна прежде всего способность передавать в высказывании противоположный признак, т.е. обозначать не новую, а данную, исходную ситуацию: *Она сидела в кресле и улыбалась*. Вместе с тем наступление нового состояния может быть передано и в высказываниях с формами НСВ. Речь идет прежде всего о тех "позициях", в которых употребление СВ невозможно, например, в настоящем историческом: *Кто-то бросает с меня на грудь и чуть не сбивает меня с ног* (И. Бунин, Сосны). Ср. также НСВ при обозначении повторяющихся и обычных действий в прошедшем и настоящем времени: *Каждый раз, как только наступало (наступает) утро, я забывал (забываю) об этом*. Способность НСВ передавать "наступление" – одно из проявлений системной значимости НСВ как немаркированного члена привативной оппозиции.

Будучи тесно связанным с лимитативностью, признак ВНС представляет собой особую семантическую субкатегорию в сфере аспектуальности. Сущность этой субкатегории заключается в динамичности как "ситуационном сдвиге". Динамичность связана с характерным для СВ "включением действия в ось времени". Она противопоставлена статичности (в смысле "задержки" на данной ситуации), которая характеризует ряд типов употребления НСВ. Поскольку СВ не раскрывает внутренней структуры действия (не задерживается на прослеживании его течения), а выражает целостный факт в его ограниченности пределом, это дает возможность выразить переход от одной ситуации к другой. В повествовании тем самым достигается его развитие, продвижение вперед.

Между пределом и началом (наступлением нового состояния) существуют причинно-следственные связи, которые могут быть определены следующим образом:

всякое "наступление" предполагает обуславливающий его предел, но выражение предела не всегда означает актуализацию "наступления" (ВНС). В определенных условиях (при данном способе действия глагола, в данном контексте) возможно выражение предела при отсутствии ВНС. В частности, это относится к глаголам СВ делимитативного и пердуративного способов действия, выражающим "количественный предел". Например: *Мы все лето здесь пробудем?* – речь идет о том, как долго продлится данная ситуация, а не о наступлении новой.

"Прототипическая" реализация рассматриваемой функции в речи связана с включением действия во временную последовательность (об этом понятии см. [21]). Последовательность моментов на оси времени находит выражение в рядах видовых форм, передающих смену ситуаций (ср. [22]). Элементы последовательности могут быть представлены и в отдельных формах, фиксирующих изолированное, автономное включение отдельного "наступления" в ось времени.

В зависимости от характера включения новой ситуации в ось времени – 1) в связи с другими "наступлениями" и/или "длительностями" или 2) без непосредственной связи с ними – могут быть выделены две разновидности функции ВНС: 1) синтагматически связанная и 2) автономная. Ср.: 1) *Она долго не двигалась, потом чуть-чуть подняла лицо* (К. Федин, Костер); 2) *В Саргееве убил эрцгерцога Фердинанда*.

В представлении рядов "наступлений", а также сочетаний "наступлений" и "длительностей" в различных языках могут проявляться (при всех различиях грамматических категорий и форм) черты общности (ср. ситуации типа "длительность – наступление факта" – англ. *John was reading when I entered*; русск. *Иван читал, когда я вошел*; франц. *Jean lisait quand j'entrai* и т.п. [23]). Подобные типы ситуаций нередко используются в практике преподавания русского языка носителям других языков. Такой подход к видовым функциям со стороны различных сочетаний "длительностей" и "наступлений" в некоторых отношениях оказывается результативным, хотя он, разумеется, не устраняет всех трудностей. Комбинаторика рассматриваемых функций "на уровне ситуаций" нередко оказывается более доступной и понятной для изучающего русский и другие славянские языки, чем сложное и весьма отвлеченное представление "действия как целого". В практике преподавания и изучения русского языка в данном случае выявляется свойство интенциональности, присущее функции ВНС.

Каждое действие, выраженное глагольной формой и другими языковыми средствами в высказывании, может рассматриваться как данная или новая ситуация (см. приведенные выше примеры). Вместе с тем при анализе текста возможно рассмотрение объединений отдельных "простых" ситуаций ("микроситуаций") в сложные ("макроситуации") и описание их соотношений (ср. анализ "сложных процессно-фактических ситуаций" в связи с реализацией семантики таксиса в тексте [24]). Например: *Она села за руль и сыграла, не помню что. Я сидел возле, смотрел на ее белые пухлые руки и старался прочесть что-нибудь на ее холодном равнодушном лице. Но вот она чему-то улыбнулась и пошла делала на меня* (А. Чехов, Страх). Здесь возникновение новой сложной ситуации, представляющей собой комплекс двух простых ([ВНС₁ и ВНС₂]), сменяется "длительным рядом" – сложной "данной ситуацией" (ДС), состоящей из нескольких компонентов: [ДС₁, ДС₂ и ДС₃]. Весь этот комплекс – [ВНС₁ и ВНС₂] – [ДС₁, ДС₂ и ДС₃] – выступает в данном фрагменте текста как "фон", предшествующий наступлению новой сложной ситуации: *Но вот* [ВНС₃ и ВНС₄]. Анализ различных комбинаций "простых" и "сложных" ДС и ВНС приводит к исследованию структуры текста с точки зрения связей элементов статики и динамики.

3.2. Ранее нам уже приходилось писать о двух разновидностях предельности – *тендентивной* (связанной с отношением "направленность – достижение результата" – *догонять – догнать* и т.п.) и *нетендентивной* – действие представлено в пределе, не связанном с элементом "направленность процесса на достижение

результата" – *оказаться – оказываться, запеть, замолчать* и т.п. ([25], ср. [26–28, с. 78–80]). С различием тендентивной/нетендентивной предельности связаны две разновидности ВНС: переход к новой ситуации, а) подготовленный и б) неподготовленный предваряющим процессом. Эти разновидности могут анализироваться в разных терминах, при различных истолкованиях понятия предельности ("скачкообразный" переход нередко выводится за рамки этого понятия [20, с. 6–7]), однако расхождения в трактовке предельности не меняют самого существа рассматриваемого различия.

Разновидность признака ВНС, связанная с тендентивной предельностью (ВНС [тенд.]), характеризуется тем, что в речи актуализируются оба элемента комплекса "предел – начало". Мы можем сказать, что говорящий употребляет форму СВ для того, чтобы выразить достижение действием предела (результата) и связанный с этим переход к новой ситуации. Особенно четко смысловая актуализация обоих элементов (с возможным акцентом на результате) проявляется в тех случаях, когда в высказывании представлен контраст НСВ и СВ в ситуациях типа "направленность на достижение предела (результата) – его реальное достижение и – как следствие этого – переход к новой ситуации". Например: ... *Ушаков за в о е в ы в а л ее как труднодоступную крепость. И вот он за в о е в а л, и она жалела его* (С. Рыбас, Пепелище).

Одной из разновидностей аспектуальных ситуаций с элементом ВНС [тенд.] являются ситуации с имплицитным или лексически выраженным элементом предшествующей длительности процесса. Например: *Постепенно он втянулся в эту игру*. Во всех рассмотренных выше случаях как предел, так и переход к новому состоянию выступают как актуальные элементы смысла, характеризующиеся явно выраженным признаком интенциональности.

"Сильной" интенциональностью может характеризоваться и та разновидность рассматриваемого признака, которая связана с нетендентивной предельностью (ВНС [нетенд.]). Однако соотношение предела и перехода к новому состоянию в данном случае имеет иной характер. Когда не выражается направленность действия на достижение предела (результата), само значение предела (ограниченности действия пределом) утрачивает свою самостоятельность. Признак ОГР, сопряженный с выражением ВНС, не является самостоятельным элементом смысла. Таким образом, интенциональностью в данном случае характеризуется неразложимое сочетание предела и "начала": выражается действие в его пределе (без элемента "направленность"), знаменующем возникновение новой ситуации.

Признак ВНС [нетенд.] выступает в различных вариантах, в частности, "что-то произошло (случилось), и это так или иначе изменило ситуацию", например: *Очевидно, что-то случилось необыкновенное. Народ от поезда бежал назад. – Что?.. Где?.. Где?.. Бросился!.. за да в и ло!.. – слышалось между проходившими* (Л. Толстой, Анна Каренина); "что-то началось" (при этом имплицитруется или специально обозначается продолжение), например: *Н а ч а л п и с а т ь "Записки священника". Могло бы быть очень хорошо* (Л. Толстой, Дневники); *И внезапно телефон ож и л, за з в о н и л. Он звонил необычно резко и настойчиво...* (Б. Ямпольский, Московская улица); "наступил факт, сменивший предшествующий факт (вариант "смена ситуаций") или предшествующую длительность" (вариант "длительность – наступление"), например: *Мышлаевский в ы р о н и л папиросу изо рта, от к и н у л с я и за х р а п е л сразу* (М. Булгаков, Белая гвардия); *Мы уже с о б и р а л и с ь пожелать друг другу покойной ночи, как вдруг из-за забора... кто-то крикнул: "Ребята!"* (Н. Лесков, Овцебык) и т.п.

Различие между ВНС [тенд.] и ВНС [нетенд.], на наш взгляд, представляет собой одно из наиболее существенных функциональных различий, связанных с употреблением форм СВ. Характеристика комплекса "предел – начало" по признаку подготовленности/неподготовленности ВНС предваряющим процессом связана с

различными типами актуализации аспектуальных ситуаций, выражаемых в высказывании.

Трудно ответить на вопрос о том, какой тип ВНС "более интенционален". Речь может идти лишь о том, что актуализируются разные стороны аспектуальной семантики. Отношение "направленность – достижение", сопряженное с процессуально-подготовленным переходом к новой ситуации, – это прежде всего "внутренняя" характеристика разных стадий аспектуальной ситуации – тендентивного процесса, его результата и обусловленного им вступления в новое состояние. Что же касается процессуально-неподготовленного перехода к новому состоянию, то эта разновидность признака ВНС относится прежде всего к тем случаям, когда для речевого смысла актуально именно "начало", "наступление нового" – само по себе или по отношению к некоторому "фону" (предшествующему "наступлению" или предшествующей длительности). В различных вариантах комбинаторики видов признаков ВНС [нетенд.] интенционален прежде всего с точки зрения аспектуально-таксисных отношений.

Актуализированное представление ВНС как процессуально подготовленного или неподготовленного зависит от того, к какому аспектуальному классу относится данный глагол – к классу тендентивно-предельных или нетендентивно-предельных глаголов (в иной терминологии, связанной с особым подходом к предмету анализа, речь идет о выделенных З. Вендлером лексических классах глаголов "исполнения" – accomplishments – и "достижения" – achievements). Однако в некоторых случаях один и тот же глагол обнаруживает способность – в зависимости от контекста – передавать в одних случаях ВНС [тенд.], а в других – ВНС [нетенд.]. Ср. 1) ВНС [тенд.]: *Была только тяжесть, – не та, радостная, а новая, больная тяжесть, и страшное сознание, что он умирает... не умер еще, жив еще, не умирает, умирает, – умрет* (С. Сергеев-Ценский, Печаль полей); 2) ВНС [нетенд.]: *Ночью старуха умерла* (В. Распутин, Последний срок). Ср. также: 1) *Он медленно встал и наконец встал*; 2) *Он встал и вышел из комнаты*. Говоря о различии ВНС [тенд.]/ВНС [нетенд.], мы имеем в виду различие аспектуальных ситуаций, выражаемых в высказывании (по отношению к отдельно взятому слову речь может идти лишь о способности или неспособности того или иного глагола выступать в рассматриваемых типах аспектуальных ситуаций).

3.3. Актуализации элемента ВНС способствует ряд разнородных факторов. Существенную роль могут играть лексические значения глагола, способы действия, таксисные отношения в полипредикативных конструкциях, обстоятельства типа *вдруг*, а также семантика акциональной перфектности.

Основной принцип, определяющий роль того или иного класса глагольной лексики в актуализации функции ВНС, заключается в следующем: рассматриваемая функция актуализируется в тех случаях, когда в семантике глагола представлен признак "изменение" (об этом признаке см. [29]). Элемент "изменение" в лексическом значении глаголов способствует актуализации того признака перехода к новому состоянию (т.е. тоже изменения [28, с. 76–80]), который представляет собой функцию СВ на уровне высказывания.

Естественна актуализация признака ВНС в глаголах СВ со значением "приобрести качество", "стать каким-то (веселым, больным, сухим и т.п.)", ср. глаголы типа *повеселеть, помрачнеть, заболеть, засохнуть, расползеть* и т.п. (ср. [18, с. 71–115]). Аналогична актуализация рассматриваемого признака в каузативных глаголах типа *развеселить, опечалить, засушить* и т.п.: *Это меня опечалило*. Четко выражено ВНС при функционировании начинательных глаголов: *Сейчас она заплачет*. Признак ВНС находит актуализированное выражение в глаголах типа *увидеть, услышать, узнать, почувствовать, полюбить* и т.п., выражающих значение "вступить в состояние" (см. [30]).

Семантика ВНС актуализируется при наличии в лексическом значении глагола и в контексте элементов, подчеркивающих изменение в местоположении субъекта,

переход от одного положения в пространстве к другому (ср. [31]), например: *Григорий и Акулина вышли из ворот и вскоре очутились в барской передней* (Д. Григорович, Деревня).

Одним из факторов актуализации признака ВНС является включение действия в аспектуально-таксисные ситуации типа "ряд наступлений", "наступление – длительность" и т.п. Одним из наиболее "сильных" средств, подчеркивающих переход к новой ситуации, является выражение (при помощи обстоятельств типа *вдруг, внезапно*) неожиданности наступления факта на фоне предшествующей длительности: *... сидели, сидели на лавках и вдруг, как по команде, выбежали на улицу* (В. Белов, Моя жизнь).

Для актуализации рассматриваемой семантики существенны смысловые акценты именно на наступлении нового состояния. Используются различные средства "введения в новую ситуацию": *и вот...; и тут...; и в этот самый момент...* и т.п. Например: *Люсю не было видно, голос ее звучал справа, оттуда, где под божницей стояла тумбочка. И тут на старуху напал страх* (В. Распутин, Последний срок).

Сложно и неоднозначно соотношение признака ВНС и семантики перфектности. Акциональная и статальная разновидности перфектной семантики при употреблении форм прошедшего времени по-разному относятся к признаку ВНС. Акциональная перфектность актуализирует элемент ВНС: *Машина сломалась*. При статальной перфектности, напротив, семантика "наступления" не актуализируется: *Что с тобой? – Устал*. Действие здесь не выражено, налицо лишь констатация наступившего состояния, причем самый акт наступления не актуализируется, в центре внимания находится состояние, которое субъект испытывает в данный момент: "нахожусь в состоянии усталости". Между "слабым наступлением" и отсутствием данного семантического элемента нет четких граней. Все же при статальной перфектности, в отличие от акциональной, следует скорее констатировать "данную" статальную ситуацию, а не "наступление нового состояния".

Употребление страдательно-причастных форм в акционально-перфектном значении актуализирует семантику ВНС: *[Любовь Андреевна]. Пр од а н вишневы сад? [Лопухин]. Пр од а н* (А. Чехов, Вишневы сад). Однако сама по себе данная форма еще не свидетельствует о наличии признака ВНС. При ее статальном употреблении четко выражено наличное состояние, но нет элемента "наступление (начало) состояния". Например: *Мы подошли к дому Дверь была приоткрыта*.

Как и всякая интенциональная функция, семантический признак ВНС может быть выражен разными средствами. Выше речь шла о форме СВ как основном системном средстве, о роли лексического значения глагола, контекста и других элементов, охватываемых понятием среды, о возможном использовании формы НСВ (в условиях, предполагающих "несобственную несовершенство"). Вместе с тем семантика ВНС может иметь и иное выражение. Ср., в частности, конструкции, не содержащие глагола: *Татьяна в лес; медведь за нею* (А. Пушкин, Евгений Онегин).

3.4. Следует различать две разновидности признака ВНС: а) с о б ы т и й н у ю и б) н е й т р а л ь н у ю (о р д и н а р н у ю). Говоря о событийной разновидности ВНС, мы имеем в виду представление ВНС как события, имеющего самостоятельную смысловую значимость. Событие характеризуется признаками самостоятельности и значительности, неординарности. "Нейтральная" разновидность отличается отсутствием указанных выше признаков событийной значимости. Ср.: 1) *Ночью старуха умерла* (В. Распутин, Последний срок); 2) *Он вернул ся, медленно р а з д е л с я и л е г* (А. Чехов, Поцелуй).

Понятие "событие" имеет в лингвистической литературе различные толкования (ср., в частности [32, 33]). Принимая во внимание существующие интерпретации этого понятия, мы опираемся прежде всего на "лексикографическое" толкование, отражающее значение слова *событие* в русском языке: событие – "то, что произошло,

случилось, значительное явление, факт общественной или личной жизни", в частности, "... что представляет собой выдающееся происшествие, явление, выходящее за рамки обычного течения жизни" [34].

Многие высказывания, содержащие событийное представление ВНС, могут быть ответом на вопросы типа "Что произошло?", "Что случилось?" и т.п. (– *Что случилось? – Потерял паспорт*). Элементы самостоятельности и значительности эксплицируют, выделяют включение события в ось времени, а тем самым выделяется и ВНС. Признаки, присущие событийной разновидности ВНС, находят выражение в часто реализуемой возможности указания на определенное время, к которому относится ВНС: датировка события подчеркивает его значимость. Например: *В первый же день знакомства Борис поспорил с Турбобевым, а через несколько дней они жестоко, до слез и крови подрались* (М. Горький, Жизнь Клима Самгина).

Признак исключительности (неординарности), характерный для рассматриваемой разновидности ВНС, проявляется в том, что высказывания с событийным ВНС не поддаются "наглядно-примерной" трансформации. Этим они отличаются от высказываний с "нейтральными" (ординарными) микроситуациями в рамках описываемого эпизода. В последнем случае указанная трансформация не связана с какими-либо затруднениями. Например: *Напекли картошки, сели за стол...*; ср.: *Бывало, напекут картошки, сядут за стол...* Подобные трансформации невозможны при уникальности события, например: *Эскадра Юрьева погибла оттого, что лопнули все железные якорные цепи* (К. Паустовский, Черное море).

Событийная разновидность реализации функции ВНС выступает главным образом в рамках автономного включения ВНС в ось времени, но возможна и при синтагматически связанном включении, например: *Из Ниццы он уехал в Бельгию; оттуда его прогнали; он отправился в Лондон и там натралозовался* (А. Герцен, Былое и думы). Что касается нейтральной разновидности, то она равным образом представлена как при синтагматически связанном, так и при автономном включении во временную ось.

Анализируемое различие касается прежде всего употребления СВ, поскольку именно СВ является наиболее специализированным и наиболее регулярным средством выражения ВНС. Вместе с тем указанные разновидности представлены и при употреблении НСВ. Так, событийная разновидность ВНС четко выступает в "настоящем эмоциональной актуализации" [35]: *Двенадцать лет трудился он над этой задачей, двенадцать лет писал он второй том "Мертвых душ"...* И вот он сам с жигает их и, сжегши, умирает. Все это полно страшного, огромного смысла (И. Аксаков, Письмо И.С. Тургеневу).

Различие событийной и нейтральной (ординарной) разновидностей реализации функции ВНС наглядно демонстрирует многообразные аспекты интенциональности этой функции, тесно связанной с актуальным смыслом высказывания, с намерениями говорящего в акте речи. Обе разновидности функции ВНС интенциональны, однако "мера интенциональности", присущая событийной разновидности, в целом может быть определена как "более высокая" по сравнению с нейтральной разновидностью, поскольку событие (в указанном смысле) предполагает смысловой акцент на значимости его наступления.

Интенциональность функции ВНС в ее прототипических реализациях особенно четко проявляется при сопоставлении с признаком целостности как компонентом категориального значения СВ [36]. Вряд ли можно утверждать, что говорящий употребляет формы СВ "для того, чтобы выразить неделимую целостность действия" (хотя это значение действительно выражается в тех или иных вариантах). Иначе обстоит дело с семантикой ВНС. Есть все основания полагать, что этот семантический признак (по крайней мере в "ясных случаях") выступает как один из актуальных элементов того смысла, который хочет выразить говорящий (подробнее о признаке ВНС см. [37]).

4. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

4.1. Один из наиболее сложных вопросов в проблематике интенциональности – это критерии и способы определения наличия или отсутствия данного признака, а также степени его актуализации. В какой-то мере могут быть использованы упомянутые выше контрасты времен, видов и т.п., а также поправки, вносимые говорящим в процессе речи, реплики слушающего, свидетельствующие о выделении отдельных форм с их семантическими функциями. При анализе грамматической семантики возможно использование вопросов-тестов типа "для чего употребляется данная форма?", "что хочет выразить говорящий при ее употреблении?". Однако в целом экспликация интенциональности связана со значительными затруднениями.

При изучении интенциональности мы невольно затрагиваем психолингвистические и психологические аспекты рассматриваемой проблематики. Конечно, на каких-то этапах анализа можно абстрагироваться от вопросов, относящихся к процессам "речевого мышления", однако в самой их постановке, возможно, отражается перспектива дальнейших исследований.

4.2. Как уже было отмечено выше, представленный в этой статье анализ проявлений интенциональности грамматической семантики относится к системно-функциональному направлению исследования. Рассмотрение грамматической семантики в ее отношении к смыслу высказывания тесно связано с общей проблематикой соотношения значения и функции [38]. Само понятие значения, связанное прежде всего с языковой системой, рассматривается с точки зрения его отношения к функции как цели, назначению, предназначению. Значение рассматривается как системно-языковая основа для реализующейся в речи функции. Учитываются и те случаи, когда данное значение выражается лишь под влиянием фактора обязательности (свойства, присущего грамматическим значениям в языках флективно-синтетического типа) и не включается в актуальные смысловые функции.

В изучаемых семантических объектах выделяются аспекты значения как собственно языкового содержания и смысла как содержания мыслительного. Разграничение значения и смысла, восходящее к языковедческой традиции (ср., в частности, концепции А.А. Потебни и И.А. Бодуэна де Куртене), становится в настоящее время особенно актуальным в связи с развитием когнитивной лингвистики, семантической типологии и функциональной грамматики. Данное различие существенно и для дальнейшей разработки проблемы интенциональности (в частности, применительно к грамматической семантике).

Речевой смысл может рассматриваться (в частности, при анализе проявлений интенциональности в высказывании), с одной стороны, в аспекте мыслительно-речевой деятельности, как процесс, а с другой – как результат (смысл "готового высказывания" и "готового текста").

4.3. Исследование интенциональности грамматической семантики наталкивает на некоторые соображения более общего характера. В связи с развитием различных направлений когнитивной лингвистики и теории речевых актов особое значение, на наш взгляд, приобретает современное осмысление системных (системно-структурных и системно-функциональных) направлений лингвистического анализа. "Лингвистика языка" отнюдь не уходит в сферу периферии современного "актуального поля" языковедческих исследований. Тенденции к смене парадигмы, нередко представляемые как переход от изучения языковой системы к анализу живых процессов речи в духе идей когнитивной лингвистики, действительно, отражают объективный факт недостаточной изученности речемыслительных процессов и актуальность этой проблематики. Вместе с тем – и это следует особо подчеркнуть – поиски и уже полученные результаты в сфере лингвистики речи требуют особого внимания к лингвистике языка, к изучению языковой системы в ее связях с когнитивной системой и речемыслительными процессами. В частности, необходимо обратить внимание на особый аспект грамматических значений – отношение к позиции говорящего, к тому,

что он хочет выразить. Речь идет об "интенциональных потенциях" языковой системы. В самом грамматическом значении как элементе категориальной системы могут быть выявлены свойства, связанные с намерениями говорящего в процессе мыслительно-речевой деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Степанов Ю.С. Некоторые соображения о проступающих контурах новой парадигмы // Лингвистика: Взаимодействие концепций и парадигм. Вып. 1. Ч. 1: Материалы межведомственной научно-технической конференции. Харьков, 1991. С. 9.
2. Руденко Д.И. Когнитивная наука, лингвофилософские парадигмы и границы культуры // ВЯ. 1992. № 6. С. 22–23.
3. Петров В.В. Философия, семантика, прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985. С. 474.
4. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII: Теория речевых актов. М., 1986.
5. Searle J. *Intentionality*. Cambridge, 1983.
6. Философия, логика, язык. М., 1987.
7. Остин Дж.Т. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII: Теория речевых актов. М., 1986. С. 22–129.
8. Кацельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972. С. 114–115.
9. Травковский В.С. Императивные формы НСВ и СВ в русском языке и их употребление // R Ling. 1988. 12. Р. 273.
10. Koschmieder E. Beiträge zur allgemeinen Syntax. Heidelberg, 1965. S. 205, 211–212.
11. Lehmann V. Satzsemantische oder verarbeitungsemantische Aspektbeschreibung // Slavistische Beiträge. 1986. Bd 200. S. 150–151.
12. Якобсон Р.О. Работы по поэтике. М., 1987.
13. Зубова Л.В. Поэзия Марины Цветаевой. Лингвистический аспект. Л., 1989. С. 213–215.
14. Зубова Л.В. Актив-пассив и субъектно-объектные отношения в поэзии Марины Цветаевой // Wiener slavistischer Almanach. Sonderband 32. Wien, 1992. S. 104.
15. Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. Л., 1984.
16. Barentsen A.A. Наблюдения над формированием союза *no*ка // Dutch contributions to the VIII International congress of slavists. The Hague, 1978. С. 4, 7, 11, 97.
17. Wierzbicka A. On the semantics of the verbal aspect in Polish // To Honor Roman Jakobson. V. 3. The Hague; Paris, 1967. P. 2232–2234.
18. Гловинская М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982. С. 26–46, 71–115.
19. Апресян Ю.Д. Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке // Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование. М., 1988. С. 73–74.
20. Падучева Е.В. Вид и лексическое значение глагола (от лексического значения глагола к его актуальной характеристике) // R Ling. 1990. 14.
21. Galton H. The main functions of the Slavic verbal aspect. Skopje, 1976. P. 4–11.
22. Гуревич В.В. О значениях глагольного вида в русском языке // РЯШ. 1971. № 5. С. 73–79.
23. Comrie B. Aspect. An introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge, 1976. P. 3.
24. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983. С. 151–157.
25. Бондарко А.В. Предельность и глагольный вид (на материале русского языка) // ИАН СЛЯ. 1991. № 3.
26. Шеллиш М.А. Категория вида и способы действия русского глагола. Таллинн, 1983. С. 161.
27. Brei W. Zur Rolle der Lexik in der Aspektologie // Die Welt der Slaven. 1984. 29. 1. N.F. 8. S. 124–125.
28. Акимова Т.Г. Значение совершенного вида в отрицательных предложениях в русском языке // ВЯ. 1993. № 1.
29. Daneš Fr. Pokus o strukturní analýzu slovesných významů // SaS. 1971. 32. S. 195.
30. Сальников Н. Еще раз о видовых парах (глаголы типа 'нравится' и 'понравиться') // R Ling. 1975. 2. Р. 303–315.
31. Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. Л., 1979. С. 144–147.
32. Словарь русского языка: В 4-х т. 2-е изд. Т. 4. М., 1984. С. 173.
33. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
34. Булыгина Е.В., Шмелев А.Д. Идентификация событий: онтология, аспектология, лексикография // Лексический анализ языка: Модели действия. М., 1992.
35. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971. С. 150–153.
36. Бондарко А.В. О значениях видов русского глагола // ВЯ. 1990. № 4.
37. Бондарко А.В. Глагольный вид в высказывании: признак возникновения новой ситуации // R Ling. 1993. 16. Р. 239–259.
38. Бондарко А.В. К вопросу о функциях в грамматике // ИАН СЛЯ. 1992. № 4. С. 16–18.